

Прощальное слово к уходу Арсения Рогинского

Покуда существует пространство,/Пока живые живут,
Пусть в мире и я останусь,/ Страданий рассеивать тьму.
(Великий буддийский учитель 8 века)

Смерть вырвала из наших рядов – стандартное выражение советских некрологов. А по сути точное в данном случае – именно эта старуха с косою врывается раз за разом в наше сообщество и скашивает лучших, заметных, незаменимых... Тех, кого при жизни видели как лидеров и первыми среди равных – не более и не менее.

Переживаешь и думаешь, почему эта потеря человека, долго и безуспешно сопротивлявшегося недугу, вырвавшему его на долгие месяцы из среды, в которой он был признан и любим. И вспоминается: «Мы **были музыкой во льду**. Я говорю про всю среду, С которой я имел в виду Сойти со сцены, и сойду». Разве эти строки поэта не относятся к Арсению в том числе? И да и нет. Конечно, мы большую (ударение тут произвольно) часть жизни прожили во льду, но музыка была всегда – по крайней мере, в Рогинском. И это обозначало в нем как исследователе, организаторе и креативщике не менее важное, чем принадлежность к среде, в которой много значила преемственность, традиция мысли и действия.

Он был адептом Памяти – и материальной, и духовной, и даже метафизической. При этом, возглавляя историческое общество «Мемориал», странным было бы не уделять много времени современному общественно-политическому бытию. Душой и темпераментом он всегда стремился в ту страну, имя которой Память. Это шире, чем история как наука или предмет просвещения-образования, которым он отдавал много сил и внимания. Но акцент в отведенное ему время был именно на Память во всем ее многообразии. От молодых ногтей в Питере и Тарту до сборника «Память», посадки в 81-м и последующих 30 лет в центре «Мемориала» и не только.

Последнее как со-общество большого масштаба, а не просто одна из первых самовыросших общественных организаций легального периода их существования стало с годами гораздо весомее заявленной поначалу памяти о сталинском терроре и поддержки оставшихся в живых его жертв. И даже шире всего, что связано с политическими репрессиями в СССР и вокруг. Не стану перечислять все, к чему приложил руку и голову Арсений, назову только некоторые, к которым имел сам касательство.

В первую очередь, это публичная позиция по самым острым моментам исторической и текущей общественной повестки дня, отражаемая в заявлениях «Мемориала», выступлениях его лидера в масс-медиа нашей страны и за рубежом, организация разного рода публичных акций и площадок, на которых он сам и «Мемориал» в целом всегда были одними из самых востребованных. Вспоминается разное за последние двадцать с лишним лет, почему-то перед глазами больше всего «чтение имен» перед 30 октября каждого года у Соловецкого камня на Лубянке, участие в деле Ходорковского в разных его не-юридических формах, чтения имени последнего в Москве.

Особняком тут стоит перед глазами долголетнее продвижение вверх и вбок Концепции увековечивания памяти жертв политических репрессий в СССР во всех ее аспектах и направлениях работы (и не одно лишь составление бумаг на эту тему). А еще ежегодная «Пилорама» на месте политлагеря «Пермь-36», по которому Арсений водил потрясающие экскурсии, хотя сам отбывал в другом месте и в общей зоне. Он и тут реализовал себя как историка и как узника совести.

А еще приходит на ум наша поездка в Аргентину в связи с «обменом опытом» по части тамошних репрессий военной хунты, поездки по горам и весям на другом конце света. Там Арсений представлял все наше общество и страну память. То же самое, только в еще большей степени было в Германии, где его особенно привечали на самых разных уровнях и откуда он получал, как мне кажется, новый творческий импульс для самых разных совместных и внутрисоветских общественных инициатив.

Здесь не место личному, связанному с нашим дружеским общением на протяжении сорока лет с середины 70-х, сначала в доме Михаила Гефтера (бывшего его гуру наряду с Юрием Лотманом и, наверно, другими яркими фигурами отечественной культуры). Та закваска всегда ощущалась в Арсении, хотя человеком он был вполне самодостаточным, не просто учеником такого-то или такого-то...

И очень любил жизнь в разных ее проявлениях. А она, как мне кажется, отвечала ему взаимностью. Хотя и оборвалась прежде времени... Что особенно было заметно в его жизненной философии? Пожалуй, острое чувство несправедливости. Именно оно двигало им во многих делах и ситуациях, а не т. н. борьба за справедливость. Причем это были не правозащитные в узком смысле подходы и практики – скорее желание как-то исправить столь вопиющие дефекты бытия. Исторического или общественно-политического и, возможно, «отношенческого». Сеня не был упертым борцом за правое дело, он просто реагировал на несправедливость вокруг себя, в стране и мире вообще. И, не будучи партийцем в любом смысле слова, он не скрывал своей принадлежности к «невидимому колледжу» искателей истины и старателей справедливости.

Мы никогда с ним не говорили, что называется, «по душам» – не настолько, видно, были близки и необходимы друг другу. Но часто общались как бы просто так, не только по делам. И при этом практически всегда в его кабинетах в «Мемориале» (старом крошечном и новом более вместительном) или в местах для курения, где он затягивался, а я вдыхал отраву этого зелья. Выпивали иногда, но в компании и по разным поводам, подчас трагическим – поминая или вспоминая ушедших. (Символично, что на его поминках мы стояли с рюмками рядом с той дверью на Каретном, в которую он выходил курить и общаться с тем или иным гостем.) Так что дружеской близости не было – может, потому, что стали чаще общаться в последние двадцать лет, а не в молодости, которая по-питерски сохраняла дистанцию по сравнению с московским амигошнством. И когда он стал заметной фигурой нашего гражданского общества, а я «догонял», но только согревался... Потому он, несмотря на разницу в возрасте в мою «пользу» на целых полтора года, казался старшим и более рассудительно-опытным, прошедшим нелегкую жизненную школу. Почти все вокруг называли его Арсением Борисовичем, что создавало уважительную позицию Рогинского в обществе, не замыкая ее только узким кругом друзей и единомышленников. Прощание с ним это продемонстрировало явным образом

Важно еще и то, что он никогда не стремился попасть в круг тех, кто считает желательным влиять на власть изнутри или хотя бы в создаваемой ею ауре допущенных к ее подножию. Он предпочитал быть самим собой в качестве не только исследователя властных безобразий (советские репрессалии стали его научным стержнем), но и как общественный деятель новой формации. Тут он держал дистанцию, ценя «Мемориал» и себя как его лидера равноправными партнерами, а не советчиками и лоббистами в коридорах власти. И нередко предпочитал оставаться в тени, будучи «серым кардиналом» многих инициатив и протестов, не подписывал подряд, насколько помню, заявлений и резолюций от своего имени – марку «Мемориал» считая достаточно весомой. **Не потому, что был лишен всякого тщеславия и честолюбия...**

Закончить надо чем-то итоговым, прощально традиционным. Но не складывается в любую формулу и традицию. Просто горестно на душе у всех, кто знал и любил Арсения, ничего вроде бы нам не завещавшего, кроме просьбы захоронить на кладбище в Лефортове. Почему именно там? То ли потому, что немецкое по старому названию, то ли недалеко от печально известного политизолятора с аналогичным названием. Остающегося с такими же функциями и сегодня. Наверно, мы сами призваны понять заветы его недолгой по нынешним временам жизни. И помимо его главного дела – продолжения исторической памяти всех и каждого – есть еще одно. Быть самим собой и только, собой и только. До конца... И до неминуемой встречи.

Светлая память светлomu человеку с извиняющей нас улыбкой.

Валентин Гефтер

декабрь 2017

4 октября 2016 года Минюст РФ внес Международный Мемориал в реестр «некоммерческих организаций, выполняющих функцию иностранного агента». Мы обжалуем это решение в суде.